

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
КАК ФАКТОРА И КРИТЕРИЯ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ¹

А.И. Колганов

DOI: 10.33293/1609-1442-2024-3(106)-7-23

EDN: AICRBI

Аннотация. Значение человеческого потенциала как фактора экономического развития давно осознано в экономической науке. В ней была предложена интерпретация экономической реализации этой роли в форме «человеческого капитала». Однако существуют значительные сомнения как в теоретической корректности такой интерпретации, так и в ее эмпирической обоснованности. Кроме того, концепция «человеческого капитала» значительно сужает роль человеческого потенциала в производстве. Чтобы точнее оценить эту роль, необходимо обратиться к исследованию того, как человеческий потенциал реализует себя в творческой деятельности. Экономическое присвоение результатов этой творческой деятельности приносит добавочный доход, принимающий форму интеллектуальной ренты. Однако капиталистическая форма присвоения результатов использования творческого потенциала человека ограничивает возможности его наиболее полного развертывания и применения. Более того, результаты творческой деятельности зачастую принимают формы фальшивых, иллюзорных благ и даже оборачиваются против человеческого раз-

© Колганов А.И., 2024 г.

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; onaglo@mail.ru; eLibrary SPIN: 7231-9030; ORCID 0000-0003-2223-7538

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00508 (<http://rscf.ru/project/23-18-00508/>).

вития. Чтобы обеспечить наибольший общественный эффект от использования человеческого потенциала, необходимо найти такие формы поддержки его развития, которые в большей степени будут соответствовать его внутреннему содержанию. Особенность творческой деятельности, состоящая в том, что она выступает не только как средство достижения каких-либо целей, но и как самоцель, позволяет наиболее полно использовать человеческий потенциал, если предоставить каждому человеку условия для наиболее полного развития и применения его способностей. Для этого необходимо обеспечить приоритетное развитие сфер формирования и развития человеческого потенциала (образования, здравоохранения, науки и культуры) и действительное равенство возможностей для развития способностей каждого человека, что позволит создать наиболее широкую базу для использования общенационального человеческого потенциала. Возможными путями решения этих задач могут быть: 1) реализация политики государственного патернализма и расширения производства так называемых опекаемых благ и 2) постепенное смягчение отчуждения человека от собственности и управления в экономике, что требует поисков частичного компромисса интересов нанимателей и наемных работников.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, творческая деятельность, креативный класс, интеллектуальная рента, социально-экономическое развитие.

Классификация JEL: E24, H41, O15, O33, P16.

Для цитирования: Колганов А.И. (2024). Значение человеческого потенциала как фактора и критерия социально-экономического развития // Экономическая наука современной России. № 3 (106). С. 7–23. DOI: 10.33293/1609-1442-2024-3(106)-7-23; EDN: AICRBI

ВВЕДЕНИЕ

Человек всегда выступал как ведущая сила в развитии производства, а тем самым и в социально-экономическом развитии общества. В марксистской концепции исторического процесса человек рассматривается одновременно и как важнейший элемент производительных сил, и как активно действующий субъект исторического развития.

Таким образом, от того активного, творческого потенциала, которым обладает человек, зависят и результаты, и формы социально-экономического развития². В течение последнего столетия можно видеть повышение значения человеческого потенциала для развития общества. Этот потенциал – через активную роль человека как источника и носителя новых знаний – влияет на технологическое, а тем самым и на социально-экономическое развитие. Состояние человеческого потенциала также влияет на функционирование тех общественных отношений и институтов, от которых зависят эффективность общественного производства и достижение его результатов³.

Но следует ли рассматривать человеческий потенциал только как фактор социально-экономического развития? Не выступает ли уровень развития человеческого потенциала не только как фактор, но и как *один из критериев общественного прогресса*, или даже как *важнейший его критерий*? Обоснование этой двоякой роли человеческого потенциала и выступает основной задачей данной статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ

Тривиальным, но от этого не менее верным является утверждение, что социально-экономическое развитие общества зависит

² В данной статье я употребляю термины «человеческий потенциал» и «творческий потенциал человека» как синонимы. Строго говоря, это не так, ведь в человеческом потенциале непременно присутствуют и нетворческие элементы. Однако именно творческие элементы придают способностям и навыкам человека подлинно человеческий характер, и именно на них концентрируется внимание в данной статье.

³ Для целей данной статьи нет необходимости формулировать свое, особое определение человеческого потенциала и можно удовлетвориться тем, что уже имеется в научной литературе, см., например, (Кирута, 2011, с. 69).

от уровня развития общественного производства. Именно в процессе производства происходит развитие навыков и способностей человека. В свою очередь, уровень развития производства определяется, с одной стороны, материальными средствами производства, уровнем применяемой техники и технологий, а с другой – способностями, которые человек применяет в производственной деятельности. В течение последних двух столетий оба этих фактора начинают во все большей степени зависеть от потенциальных возможностей человека овладеть новыми знаниями и применять их в процессе производства.

Таким образом, от уровня развития человека как носителя творческого потенциала в конечном итоге зависят и результаты социально-экономического развития. Те сферы жизни общества, где происходит формирование и преимущественное использование творческого потенциала человека, выдвигаются на ведущие позиции в структуре общественного производства. Речь идет о таких сферах, как образование и воспитание, научные исследования и опытно-конструкторские разработки, здравоохранение (которое сохраняет и поддерживает человека как носителя творческого потенциала). Они перестают быть только каналом социальных расходов, но превращаются в сферу приложения инвестиций, необходимых для обеспечения социально-экономического развития общества в целом.

Более конкретное решение вопроса о взаимосвязи человеческого потенциала и результатов социально-экономического развития требует определения, во-первых, экономических условий эффективного применения человеческого потенциала, во-вторых, того, каким именно образом человеческий потенциал проявляет себя в результатах социально-экономического развития, и, в-третьих, оценки социально-экономического развития с точки зрения его влияния на формирование человеческого потенциала.

Что же касается оценки результатов социально-экономического развития, то данная статья опирается на концепцию, соглас-

но которой и сами результаты социально-экономического развития, и критерии их оценки имеют исторически изменчивый характер. Они находятся в зависимости от изменений материальных условий производства и от характера производственных отношений, складывающихся на этой основе.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА»

Значительное возрастание роли человеческого потенциала в экономическом развитии получило отражение в основном течении экономической теории на Западе (прежде всего в неоклассическом направлении) в виде концепции «человеческого капитала». Эта концепция основана на попытке представить затраты на воспроизводство рабочей силы наемных работников как инвестиции в формирование «человеческого капитала», а саму квалифицированную рабочую силу – как носителя этого капитала. Экономический смысл инвестиций в «человеческий капитал» состоит в добавочном доходе, который приносят эти инвестиции.

Первым термин «человеческий капитал» ввел в научный оборот Джейкоб Минсер (Mincer, 1958). Однако его статья не содержит определения того, что такое «человеческий капитал». По контексту довольно сложно понять, отождествляет ли он этот капитал только с затратами на подготовку квалифицированной рабочей силы или также с самой рабочей силой как фактором производства (Mincer, 1958).

Однако важно, что основные принципы модели связи между инвестициями в «человеческий капитал» и получаемой от них отдачей (добавочным доходом), заложенные Минсером, затем воспроизводились другими известными исследователями этой зависимости (Гэри Беккером и Теодором Шульцем). Вот что писал об этой связи Минсер: «Последствия индивидуальных различий в инвести-

циях в человеческий капитал для распределения доходов были получены в теоретической модели, в которой процесс инвестирования зависит от свободного выбора. Выбор относится к обучению, отличающемуся в первую очередь продолжительностью. Поскольку время, потраченное на обучение, представляет собой перенос заработка на более поздний возраст, предположение о рациональном выборе означает выравнивание нынешних значений жизненного заработка на момент принятия решения» (Mincer, 1958). Хотя для подготовки рабочей силы требуется множество различных видов расходов (на уход за детьми, школьное образование, здравоохранение и т.д.), в теоретической модели Минсера инвестиции в «человеческий капитал» сводятся только к затратам на обучение, причем размер этих затрат представляется результатом свободного выбора.

Исследования Джейкоба Минсера были продолжены Теодором Шульцем (Schultz, 1961). В своей статье 1961 г. Шульц поставил весьма важный вопрос о том, как отличить потребление человека от его же инвестиций в человеческий капитал (Schultz, 1961). Так, например, если человек платит за медицинские услуги – это просто потребление медицинских услуг или инвестиции в человеческий капитал? Тот же самый вопрос можно адресовать в отношении образования, потребления продуктов питания и т.д. Так и не предложив какого-либо конкретного решения этого вопроса, Шульц тем не менее счел себя вправе оперировать категорией «человеческий капитал» как чем-то достаточно ясным и дал собственное определение этой категории: «Характеристики приобретенного качества населения, которые являются ценными и могут быть дополнены за счет подходящих инвестиций, будут рассматриваться как человеческий капитал» (Schultz, 1982).

Другой известный экономист Гэри Беккер (как и Шульц, Лауреат премии по экономике памяти А. Нобеля) не только воспроизвел этот подход к человеческому капиталу (Becker, 1964), но и распространил его на дру-

гие сферы человеческой деятельности, в том числе за пределами экономики (Becker, 1976).

Концепция «человеческого капитала» получила широкую популярность и признание. Ее появление, несомненно, стимулировало исследования роли человека в экономике, но против этой идеи были выдвинуты серьезные возражения как теоретического, так и эмпирического характера.

С точки зрения теории вопроса (даже если оставаться в пределах неоклассической парадигмы) эта концепция стирает различия между трудом и капиталом как разными факторами производства, между потреблением и инвестициями в «человеческий капитал», что позволяет любое потребление рассматривать как инвестиции. Сама характеристика квалификации и навыков человека как капитала имеет крайне сомнительные теоретические основания. В отличие от действительного капитала, эти способности нельзя ни продать, ни купить – и их приобретение, и их использование неотделимы от деятельности конкретного индивида. Поэтому есть все основания рассматривать их именно как составную часть трудового процесса. Капитал же всегда рассматривался как нечто находящееся вне человека, как противостоящий ему объект, приводимый в движение трудовыми и предпринимательскими усилиями людей (Бузгалин, Колганов, 2018, с. 501–503).

Концепция человеческого капитала игнорирует наличие нерыночной по своей природе потребности человека в развитии собственных способностей, в первую очередь творческих, и самореализации в процессе деятельности. Такая потребность поэтому не имеет стоимостной оценки. Разумеется, налицо может быть стремление получить образование и нести для этого соответствующие расходы ради того, чтобы занять высокооплачиваемое рабочее место. Но эта взаимосвязь не является прямой и непосредственной, поскольку существуют различные экономические и институциональные обстоятельства (хотя бы имеющийся уровень дохода), которые не делают инвестиции в образование

продуктом свободного выбора, свободных индивидуальных предпочтений. Существуют также и социально-институциональные барьеры (например, структура предложения рабочих мест на рынке труда), которые затрудняют конвертацию полученного образования в добавочный доход (Аникин, 2017; Klees, 2016; Tan, 2014). Экономическая отдача от инвестиций в «человеческий капитал» осуществляется далеко не столь прямо и непосредственно, как, например, получение процентов на банковский депозит. Она зависит как от тех условий, при которых становится возможным сформировать (или не сформировать) то, что именуют человеческим капиталом, так и от тех условий, которые обеспечивают или ограничивают его экономическую реализацию.

Попытка обосновать теоретическую концепцию «человеческого капитала» только путем указания на взаимосвязь величины расходов на образование и экономической отдачи от этих расходов неслучайна. Ведь исходная позиция теоретиков «человеческого капитала» состояла в том, что его формирование является слагаемым множества факторов. Так, Теодор Шульц подчеркивал: «Как уже отмечалось, основными видами деятельности, способствующими приобретению человеческого капитала, являются уход за детьми, опыт работы на дому и на рабочем месте, обучение в школе и здравоохранение. Ценность такого добавленного человеческого капитала зависит от дополнительного благосостояния, которое люди от него получают. Стоит повторить, что их благосостояние повышается за счет повышения производительности труда, повышения предпринимательской способности получать информацию и адаптироваться к неравновесию, присущему процессу модернизации; времени и других ресурсов, которые студенты выделяют на свое образование; миграции, дающей лучшие возможности трудоустройства и лучшие места для жизни. И – не менее важно – за счет повышения удовлетворенности, которое является неотъемлемой частью будущего потребления» (Schultz, 1982).

Если последовательно проводить эту позицию, «человеческий капитал» должен был бы предстать как агрегированная функция, объединяющая все указанные факторы. Но... еще со времен дискуссии «двух Кембриджей» известно, что неоклассический подход к капиталу сталкивается с непреодолимыми теоретическими затруднениями, когда предстоит измерить агрегированную производительность капитала (Robinson, 1953; Cohen, Harcourt, 2003; Hodgson, 2005).

Кроме того, как вообще можно дать рыночную оценку «капиталу», который не продается и не покупается и, соответственно, не имеет цены? По размерам издержек на его формирование? Но это полностью противоречило бы неоклассической теории. Косвенно, по размерам платы за его использование? Но как тогда выделить из заработной платы оплату именно «человеческого капитала»? По разнице оплаты работников, получивших, например, высшее образование и не получивших такового? Но для этого предстоит доказать, что вся эта разница определяется именно затратами на получение образования, что, как мы увидим, не соответствует действительности.

Теоретикам «человеческого капитала» можно поставить в заслугу то, что именно они привлекли внимание научной общественности к изучению воздействия человеческих качеств на социально-экономическое развитие общества. Однако их попытка теоретически объяснить эти воздействия оказалась весьма сомнительной, причем с точки зрения не только теоретической, но и эмпирической корректности. Само по себе утверждение, что уровень развития человеческих способностей (и уровень образования в том числе) позитивно влияет на экономические результаты, включая индивидуальный доход, не вызывает возражений. Это доказано многочисленными исследованиями (Lucas, 1988; Romer, 1990; Castelló-Climent, 2013).

Но является ли уровень «человеческого капитала» (количественно интерпретируемый как расходы на образование или как время, за-

траченное на обучение) определяющим фактором формирования добавочного дохода? То, что между этими величинами обнаруживается позитивная и значимая статистическая корреляция, еще не означает, что фактор «человеческого капитала», равно как и индивидуальные решения инвестировать в «человеческий капитал», выступают как главные детерминанты различий в уровне дохода.

Это сомнение находит подтверждение в многочисленных эмпирических исследованиях. Сначала в 1975 г. Сэмюэл Боулз и Герберт Гинтис, опираясь на марксистскую методологию, выдвинули гипотезу (тогда еще не подтвержденную эмпирически), что экономическая отдача от образования зависит в первую очередь от структуры отношений между наемным трудом и капиталом и от институциональных особенностей этих отношений, встречаемых в капиталистических фирмах (Bowles, Gintis, 1975).

Эмпирические подтверждения не заставили себя ждать. Изучение феномена внутреннего (или внутрифирменного) рынка труда (Doeringer, Piore, 1971) послужило основанием для проверки правильности концепции «человеческого капитала». Был проведен целый ряд исследований, в которых было обнаружено, что главным фактором вариации доходов в капиталистической фирме служит отнюдь не уровень образования, а положение работника в иерархической структуре фирмы (Wright, 1979; Baker, Gibbs, Holmstrom, 1993; Marginson, 2019). Наличие разного рода институциональных барьеров, препятствующих свободной реализации преимуществ в сфере образования, было подтверждено и в исследованиях на основе концепции сегментации рынка труда (Dickens, Kevin, 1988; Piore, 1983).

Выводы из этих исследований, сделанные в работах Блэра Фикса (Fix, 2019), заключались в том, что экономическая отдача от работника определенного иерархического ранга в системе фирмы значительно превосходит таковую же отдачу от образования (Fix, 2018).

Все приведенные выше соображения приводят к заключению, что анализировать роль

человеческого потенциала на основе концепции «человеческого капитала» означало бы не только сужать понимание самого человеческого потенциала, но и опираться на теоретические основания, дезориентирующие исследование. Но каким может быть альтернативный подход к определению социально-экономической роли человеческого потенциала?

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что разработка концепции «человеческого капитала» началась примерно одновременно с концепциями «информационного общества», «экономики знаний» и аналогичных им, затрагивающих проблематику, пересекающуюся с концепцией «человеческого капитала». Во всех этих концепциях тем или иным образом получили отражение факты развития общественного производства, которые свидетельствовали об изменившемся содержании человеческой деятельности и, соответственно, об изменившейся роли человека в производстве. Человек как носитель знаний, творческих способностей и трудовой квалификации теперь стал гораздо более значимым, чем это было ранее.

Главной ошибкой теории «человеческого капитала» является, на мой взгляд, рассмотрение человеческого потенциала только как источника дополнительного дохода. В противоположность этому следует определить изменения в роли человеческого потенциала с точки зрения меняющихся материальных условий производства при освоении новейших технологических укладов (пятого, шестого, а в некоторой перспективе – и седьмого). Их особенностями (по сравнению с предшествующими) являются, во-первых,

относительно более высокий уровень знаниеинтенсивности основанного на этих укладах производства (Бодрунов, 2016), а, во-вторых, необходимость использовать человеческий потенциал для творческой деятельности, потребность в которой для данных укладов также существенно возрастает (Бузгалин, 2018б; Маслов, 2023; Фриман, 2016; Freeman, 2015). Оба этих фактора взаимосвязаны: без расширения творческих элементов деятельности нельзя добиться увеличения знаниеинтенсивности производства; возрастание же знаниеинтенсивности трудового процесса требует соответствующего наращивания творческого потенциала работников.

Творческая деятельность критически важна как для приобретения новых знаний и их воплощения в новых технологических процессах, так и для управления этими процессами. Это в особенности касается новейших технологических укладов, распространение которых потребовало увеличения удельного веса квалифицированного персонала и повышения его образовательного уровня (Becker, Hubbard, Murphy, 2010; IMF, 2007; Wyatt, Hecker, 2006).

Русский язык дает возможность развести понятия «творческая деятельность» и «творческий работник», с одной стороны, и «креативный класс» и «креативная отрасль», с другой. Хотя эти понятия могут казаться синонимами, но сложившаяся в западном социологическом и экономическом мейнстриме традиция применения терминов с прилагательным «креативный» восходит к концепции Ричарда Флориды (Флорида, 2005). А он предпочел не давать точного определения тех критериев, по которым он выделяет представителей креативного класса, как и критериев креативных отраслей. В этом смысле основоположник теории креативной экономики Джон Хоукинс проявил больше научной честности, указывая на трудности теоретического разграничения творческой и нетворческой деятельности (Howkins, 2001).

Данная статья опирается на понятие «творчество», разработанное в советской фи-

лософской традиции. Оно связано с такими категориями, как распредемечивание и опредмечивание, являющимися атрибутами процесса творческой деятельности. Результатами творческой деятельности выступают при этом не просто вещи, не предметы, а предметы вместе с воплощенными в них знаниями (включая и художественное восприятие мира как особую форму его познания).

Опредмечивание и распредемечивание, как подчеркивал Генрих Степанович Батищев, «суть те противоположности, конкретное тождество которых и есть предметная деятельность, опредмечивание – это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета. Распредемечивание – это обратный переход предметности в живой процесс, в действующую способность: оно есть творческое начало освоения субъектом предметных форм культуры, а посредством их – также и природы» (Батищев, 1967, 1997).

Такое понимание творчества позволяет утверждать, что рост квалификации и образования – лишь внешние признаки изменения характера человеческой деятельности под влиянием современных технологических сдвигов. Все большее значение приобретает наличие у работающих творческих способностей, необходимых прежде всего для поиска новых знаний и их применения в технологических процессах. Без творческих способностей невозможно поддерживать процесс непрерывных инноваций, необходимых в современных условиях для любой компании, желающей удержать и расширить свою долю на рынке, создать новые рынки и продвинуться на них, поднять эффективность производства за счет снижения издержек.

Такие творческие работники являются для современных корпораций критическим ресурсом, что не позволяет рассматривать их как просто наемных работников, пусть и высокооплачиваемых, привлекаемых по обычным рыночным ставкам заработной платы. Ведь от них фактически в существенной степени зависят успех компании и ее финансовые

результаты. Поэтому и оплата таких работников не сводится к обычной заработной плате. Неоклассическая теория, как отмечалось ранее, рассматривает повышенный доход таких работников как результат применения их «человеческого капитала», как отдачу на этот капитал. Но навыки и знания, приобретенные работником, не могут быть реализованы вне технических и экономических условий, которые ему предоставляет наниматель. Только в рамках этих условий потенциал работника может принести тот экономический эффект, который получает отражение в повышенном доходе.

Можно возразить, что свой потенциал работник может реализовать самостоятельно – в качестве самозанятого. Но фактически это не так. Самозанятый на деле в большинстве случаев выступает всего лишь как субконтрактор фирмы, с которой он заключает договор. По существу, он работает и как наемный работник на тех условиях, которые определяет фирма, и в ее интересах.

В то же время компания также в определенной степени зависит от нанимаемых ею творческих работников, поскольку от их способностей во многом зависит получаемый фирмой экономический эффект. Поэтому у компании есть заинтересованность в том, чтобы привлечь к себе таких работников экономическими средствами, обеспечить их лояльность и творческую активность.

Но из чего образуется тот дополнительный доход, который получает наниматель от применения труда творческого работника и которым он может частично делиться с работником, стимулируя его творческую активность? Представляется, что этот дополнительный доход, который производит работник, реализующий высокий творческий потенциал, образуется как интеллектуальная рента, которая может делиться между ним и нанимателем. В экономической теории уже давно принято обозначать ренту такого типа как квазиренту, чтобы отличить ее от природной ренты (земельной, горной и т. п.) (Маршалл, 1983, с. 135–136; Яковец, 2003).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕНТА КАК ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Существуют различные классификации разновидностей рентных доходов. В данной статье под интеллектуальной рентой понимается любой добавочный доход, присваиваемый в результате обладания правами на какие-либо интеллектуальные продукты или на применение этих продуктов в производстве. Интеллектуальная рента, как и природная, образуется как экономическая реализация монополии частной собственности на определенный ограниченный или уникальный фактор производства, в данном случае – на определенные новые знания и их технологическое применение. При этом стоит подчеркнуть: экономическая реализация человеческого потенциала работника осуществляется не им самим, а нанимателем, выступающим как правообладатель результатов творческой деятельности, воплощены ли они в интеллектуальных продуктах, новых технологиях или в чем-то ином. Именно наниматель выступает субъектом, присваивающим интеллектуальную ренту, и только частью ее он может поделиться с наиболее ценными для него творческими работниками.

За счет чего образуется интеллектуальная рента? Наиболее очевидный (но далеко не полный) ответ состоит в том, что творческий работник создает интеллектуальный продукт, пользующийся спросом, или инновации, улучшающие операционные показатели компании. Реализация таких интеллектуальных продуктов (или инноваций) приносит компании дополнительную прибыль. Такой ответ является не ошибочным, а поверхностным, поскольку не принимает во внимание как особенности творческого труда, так и особенности присвоения его результатов, характерные для современной капиталистической системы.

Любой интеллектуальный продукт и любая инновация не являются результатом

только индивидуальных усилий создающих их творческих работников. Любая творческая деятельность, а в особенности научные исследования и опытно-конструкторские разработки, немыслима вне вовлечения в этот процесс знаний, которые получены неопределенно широким кругом предшественников и современников. Фактически научный процесс всегда опирается на всеобщую силу человеческого знания (Маркс, 1961, с. 116; 1969, с. 205; Бузгалин, Колганов, 2018, с. 346–348). Поэтому именно экономическое присвоение результатов применения этой всеобщей силы человеческого знания в форме интеллектуальной ренты приносит нанимателю творческого работника основную часть добавочного дохода. Фактически капитал в данном случае претендует на монопольное распоряжение частью всеобщего человеческого знания, присвоение которого капиталу ничего не стоило, – он оплачивает только рабочую силу творческого работника. Даже если капитал и делится с ним некоторой частью интеллектуальной ренты, львиная доля этой ренты достается отнюдь не работнику.

Такая экономическая форма реализации творческой деятельности, свойственная современному капитализму, двояко влияет на развитие творческого потенциала человека. С одной стороны, присвоение интеллектуальной ренты создает экономические условия для развития исследований и разработок, для прогресса инновационной деятельности. Тем самым реализуется та необходимость, которая заключена в природе современного знаниеинтенсивного процесса производства, развитие которого зависит прежде всего от приобретения новых знаний, которые обеспечивают технологический прогресс. С другой стороны, интеллектуальная рента, одним из условий присвоения которой является монополия интеллектуальной частной собственности, ограничивает распространение новых знаний и тем самым выступает как барьер на пути технологического прогресса.

ОГРАНИЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА

Современная стадия развития капитализма создает также ряд других ограничений перед использованием творческой деятельности. Эти ограничения лежат в самой природе капитализма, который готов использовать не любые результаты творчества, а лишь те, которые эффективны с точки зрения производства прибыли. А на современном этапе капитализм во все возрастающей степени стремится использовать творческий потенциал человека для разработки и применения таких способов присвоения прибыли, которые не связаны ни с реальным удовлетворением человеческих потребностей, ни с развитием человеческого потенциала.

Творческая активность человека, приобретение новых знаний и их применение все более нацелены на такие формы извлечения прибыли, которые связаны с финансовыми спекуляциями, манипулированием финансовым рынком, манипулированием поведением потребителя, формированием иллюзорных, фальшивых потребностей и столь же иллюзорных способов их удовлетворения (Бузгалин, Колганов, 2012). В том «креативном классе», о котором пишет Ричард Флорида, творцы подобных иллюзий – материальных, финансовых, духовных и т.д. – выдвигаются на первый план. Финансовые спекулянты, маркетологи, рекламщики, создатели артефактов массовой культуры, специалисты по идеологическому и политическому манипулированию и прочие из того же разряда занимают почетное и хорошо оплачиваемое место, заслонив собой ученых, педагогов, врачей, инженеров...

Безусловно, использование искусственного интеллекта для обработки больших данных сулит нам большой прогресс во многих областях. Но как быть, если достижения такого рода применяются для того, чтобы манипулировать поведением потребителя, толкая

его на покупки путем воздействия на особенности его личной психоэмоциональной сферы (Dezfouli, Nock, Dayan, 2020)?

Такого рода ориентация творческой деятельности человека значительно сужает использование творческого потенциала. Если исследовательская работа, направленная на получение новых знаний, и инновационная активность, которая состоит в применении этих знаний для создания новых технологий и новых продуктов, направлены только на коммерческий успех, то это означает уже заранее заданные узкие рамки для творчества. В таких условиях творческий работник, конечно, так или иначе раскрывает свой потенциал, но лишь в рамках того узкого коридора, который предписан нанимателем.

Вопрос даже не в том, что целеполагание находится в руках капитала и осуществляется в его интересах. Вопрос в том, что критерием успеха творческой деятельности выступает не сам творческий успех, а финансовый результат. Такое положение в настоящее время распространилось на все виды творческой деятельности: научные исследования и опытно-конструкторские разработки, преподавание, медицину, художественное творчество... Важно не качество преподавания или решение научной проблемы, а то, принесла ли эта деятельность прибыль.

В результате начинает процветать имитация творчества, имитация инноваций, имитация искусства, потому что они позволяют добиваться финансовых результатов с минимальными затратами. Главное – убедить потребителя приобрести результаты этих имитаций. Производство симулякров и торговля иллюзиями встают на поток.

Капиталистическая экономика, обеспечившая за последние два столетия колоссальный технологический рывок, превратившая науку в непосредственную производительную силу, существенно поднявшая образовательный уровень населения, превратившая инновации в практически непрерывный поток и тем самым расширившая возможности для роста человеческого потенциала,

одновременно демонстрирует и негативные тенденции в этом вопросе. Возможности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) используются для широчайшего манипулирования массовым сознанием как для управления потребительским поведением, так и для политического контроля. Применение творческого потенциала человека, в том числе и в инновационных процессах, остается достоянием узких профессиональных групп, а социальная мобильность, обеспечивающая попадание в ряды этих групп, ограничивается социально-экономическими барьерами. Эта ситуация прямо вытекает из фундаментальных основ капиталистической экономики, которая использует человеческий потенциал лишь как средство достижения своих экономических целей.

На предшествующих этапах развития капитализма это деформирующее влияние интересов погони за максимизацией прибыли до какой-то степени компенсировалось сохранением социально-культурных норм, которые не поглощались целиком моралью коммерческого успеха любой ценой. Но последние десятилетия и особенно последние несколько лет демонстрируют нам попытки снести столетиями и тысячелетиями формировавшиеся социально-культурные ценности, ставя на их место принцип вседозволенности под фальшивой маркой «толерантности» к чему угодно. Пускаются в ход и сила государственной власти, и манипулирование общественным сознанием через средства массовой информации и массовую культуру, «чтобы размыть любые базовые понятия человеческой культуры и оставить на месте этой культурной пустыни одни лишь экономические соображения, служащие оберткой для жадности наживы, расшатать под видом расширения различных “прав” моральные устои, служащие естественными ограничителями меркантилистской экспансии» (Бодрунов, 2022).

Капитализм пытается довести до логического конца заложенные в нем экономические устои, распространив их принципы на все стороны человеческой жизни. Происходит

разложение самой творческой деятельности человека таким образом, что результаты этой деятельности (во всяком случае, их значительная часть) не служат развитию человека, а противопоставляются ему как некая внешняя, отчужденная, а нередко прямо враждебная сущность. В результате человек «творит» только то и только так, как это предопределено безоговорочным, в конечном счете, диктатом природной и социальной Среды», и в условиях погружения человека во всеподчиняющий мир вещей-объектов «нет и не может быть места для его подлинной суверенности в качестве субъекта-творца» (Батищев, 2015, с. 199).

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ЦЕЛЬ И КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

То, что человеческий потенциал стал одним из критериев социально-экономического развития, уже нашло свое отражение в том факте, что в статистике ООН в качестве дополнительных измерителей такого развития появились Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), а затем Индекс человеческого развития (ИЧР). Однако сама природа современных экономических отношений, как было показано выше, ставит вместо развития человеческого потенциала только средства достижения экономических целей, т.е. целей, находящихся вне самого человека. Ненормальность этой ситуации определяется не морально-нравственными нормами, а формирующимися объективными тенденциями социально-экономического развития.

Современные капиталистические отношения, которые дали значительный толчок развитию производительных сил и вывели производство на новый технологический уровень, создали потребность в развитии массовой творческой деятельности. Однако эта потребность сталкивается с противоречием,

сформулированным А.В. Бузгалиным: «Массовый творческий труд возможен и необходим, а современные формы капитала, прежде всего финансового, не могут обеспечить его достойное (вызывающее активный прогресс производительности труда и человеческих качеств) использование и сами переживают период стагнации» (Бузгалин, 2018б). Можно сказать и резче: производственные отношения капитала, вызвав к жизни массовую творческую деятельность, загоняют ее в такие рамки, которые не дают возможности в полной мере использовать творческий потенциал человека. Более того, они нередко направляют использование этого творческого потенциала против самого человека.

Между тем природа творческой деятельности, равно как и материальные условия, вызывающие ее к жизни (т.е. наиболее современные производительные силы), формируют объективную основу и для иных социально-экономических тенденций. Основным стимулом творчества для человека выступает участие в самом процессе творческой деятельности. Разумеется, человек, обладающий творческим потенциалом, должен иметь и социально-экономические условия для воспроизводства самого себя и прежде всего своего потенциала. Поэтому интересы и потребности творческого человека определяются в первую очередь необходимостью обеспечить условия для такого самовоспроизводства – для формирования, развития и реализации своих способностей. Эта необходимость проявляется даже в условиях господства капиталистических отношений и учитывается во многих компаниях, нанимающих творческих работников (Хабибуллина, 2021).

Таким образом, даже не выходя за рамки господствующей системы производственных отношений, можно найти такие формы поддержки развития человеческого потенциала, которые в большей мере соответствовали бы его внутреннему содержанию и обеспечивали более высокий общественный эффект от его использования (а не только успешное применение его к частной выгоде). Для это-

го предстоит поставить развитие человеческого потенциала в такие условия, в которых оно выступало бы не только как средство социально-экономического развития, но и как его самоцель и важнейший критерий всякого общественного развития. Поскольку же творческая деятельность человека превращается в современную эпоху в важнейшее средство социально-экономического развития, то превращение формирования творческого потенциала человека в самоцель служит всемерно укреплению и обогащению его роли и как средства развития.

Та экономика, которая сможет поставить себе на службу эту объективную тенденцию, окажется в выигрыше. «...Мир вступает в период качественных изменений в производительных силах, и общественная система, которая сумеет, как минимум, реформировать существующие производственные отношения, приведя их в соответствие с этими изменениями или, отчасти “работая на опережение”, революционно их изменить, окажется лидером в XXI в.» (Бузгалин, 2018а).

Разумеется, последовательное превращение развития человеческого потенциала в самоцель общественного развития возможно лишь при условии выхода за пределы современной социально-экономической системы. Однако и в ее рамках возможно движение в сторону постепенного расширения возможностей развития человеческого потенциала и вовлечения в этот процесс все большего числа людей.

СОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Минимально необходимые требования для обеспечения возможно более полного развития и использования человеческого потенциала заключаются в придании реального приоритета всем сферам его формирования и развития – образованию, здравоохранению,

науке (включая НИОКР) и культуре (применительно к сфере образования эта проблема подробно анализируется в работах (Яковлева, 2021, 2023)). Для России это особенно острая проблема, поскольку инвестиции в эти сферы в нашей стране находятся на недопустимо низком уровне даже по сравнению с новыми индустриальными странами, не говоря уже о странах более развитых. Такое положение невозможно изменить, если не отказаться от подхода к вложениям в человеческий потенциал как к пусть и нужным, но обременительным расходам, а сделать на них стратегическую ставку как на инвестиции (причем и государственные, и частные) в важнейший фактор развития страны.

Но одного только роста расходов на НИОКР, образование и воспитание, здравоохранение и культуру недостаточно. Возможности формирования человеческого потенциала должны быть предоставлены как можно более широкому кругу граждан, а в конечном итоге необходимо создать действительное равенство возможностей в этой сфере. Ведь равенство возможностей для развития способностей человека создает наиболее широкую базу для использования всего человеческого потенциала нации. Напротив, как показали исследования этого вопроса, неравенство, например, в образовании отрицательно воздействует на экономическое развитие (Castelló-Climent, 2013).

Видятся два основных пути решения этой проблемы. Один из них – государственный патернализм и расширение производства так называемых опекаемых благ. Этот путь известен, испытан на практике и способен дать определенные результаты, однако он ограничивает развитие творческого потенциала человека, по крайней мере в одном отношении – в области социального творчества. Творческий человек в предложенных условиях выступает не как самостоятельный социальный субъект, а как объект заботы со стороны вне его находящихся и фактически ему не подчиняющихся сил (государственной бюрократии).

Другой путь более сложен и неизбежно будет приходить в конфликт с господствующими социально-экономическими интересами. Это путь постепенного смягчения отчуждения человека от собственности, управления и власти в главной сфере активного бытия человека – в экономике, что позволяет ему стать хотя бы отчасти самостоятельным социальным субъектом. Здесь есть нечто перекликающееся с институтами гражданского общества, где человек тоже способен реализовать себя как самостоятельный субъект. Однако в привычном понимании институты гражданского общества выступают как находящиеся вне государственных и экономических институтов, хотя между ними и предполагается взаимодействие. Но подлинную самостоятельность творческого человека можно обеспечить лишь в том случае, если она возникнет там, где сосредоточена его основная деятельность. Разумеется, в современной капиталистической системе такого рода сдвиги возможны лишь в форме частичного компромисса между интересами нанимателей и наемных работников. Однако и такой частичный компромисс может означать значительный шаг вперед по пути прогресса человеческого потенциала и его применения для социально-экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При исследовании социально-экономического значения человеческого потенциала следует обратить внимание на недостаточную теоретическую обоснованность имеющей широкое распространение концепции «человеческого капитала». Основная проблема заключается не в том, что категория «человеческий капитал» является более узкой, чем категория «человеческий потенциал». Если бы дело сводилось только к этому, то применение более узкой категории соответственно для решения более узких исследовательских задач

было бы правомерным. Существуют большие сомнения в самой правомерности трактовки экономической реализации какой бы то ни было части человеческого потенциала как капитала. Сомнения возникают также и по поводу количественной оценки «человеческого капитала», и по поводу сведения добавочного дохода работника к эффекту от более высокого уровня образования.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в современной экономике наиболее важное значение приобретает реализация человеческого потенциала через творческую деятельность. При этом нельзя согласиться с распространенными в западной научной литературе трактовками «креативных отраслей» и «креативного класса», которые конструируются произвольным образом, оставляя при этом в стороне или, в лучшем случае, на втором плане те сферы деятельности, где творческие качества имеют наиболее существенное значение для социально-экономического развития.

Экономическая реализация творческого потенциала человека осуществляется в современной экономической системе через присвоение интеллектуальной ренты. Источником этой ренты является не только непосредственный труд творческих работников, но и присвоение всеобщей силы человеческого знания, поскольку она с необходимостью вовлекается в любой индивидуальный творческий процесс. В связи с особым статусом наиболее ценных творческих работников их наниматели могут уступать некоторую часть интеллектуальной ренты для стимулирования творческого труда.

Система капиталистических отношений создала сильные стимулы для технического обновления производства, а в связи с этим и для научного и технического творчества. Частная интеллектуальная собственность и интеллектуальная рента выступают эффективными механизмами, обеспечивающими экономическое воспроизводство творческой деятельности. В то же время система капиталистических отношений создает ограничения для творчества постольку, поскольку

подчиняет творческий процесс целям извлечения прибыли. Эта цель нередко ориентирует творческую деятельность на финансовые спекуляции, манипулирование рынком, манипулирование поведением потребителя, формирование и навязывание ему иллюзорных, фальшивых потребностей.

Фактически при капитализме происходят как недоиспользование, так и неразумная (хотя и экономически рациональная) растрата творческого потенциала. Альтернативой этому положению является выдвижение развития человеческого потенциала на роль главной цели и, соответственно, критерия социально-экономического, да и всякого общественного развития. Такое превращение неизбежно укрепляет человеческий потенциал в его значении главного фактора развития общества.

Для российской экономики задача борьбы за технологический суверенитет и за реиндустриализацию экономики на новейшей технологической базе не может быть успешной без переориентации инвестиций на развитие творческого потенциала человека. Для этого необходимо последовательное осуществление долгосрочной экономической стратегии, направленной на опережающее развитие всех составляющих человеческого потенциала.

Список литературы / References

- Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120–156. [Anikin V.A. (2017). Human capital: Genesis of basic concepts and interpretations. *Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no. 4, pp. 120–156 (in Russian).]
- Батищев Г.С. (1967). Определенность и распределение // *Философская энциклопедия*: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Издательство «Советская энциклопедия». С. 154–155. [Batishchev G.S. (1967). Reification and de-reification. *A philosophical encyclopedia*: in five volumes. Ed. by F.V. Konstantinov. Vol. 4. Moscow: Publishing House “Soviet Encyclopedia”, pp. 154–155 (in Russian).]
- Батищев Г.С. (1997). Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского. 464 с. [Batishchev G.S. (1997). *Introduction to the dialectics of creativity*. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy after F.M. Dostoevsky. 464 p. (in Russian).]
- Батищев Г.С. (2015). Деятельностная сущность человека как философский принцип // Батищев Г.С. Избранные произведения / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. С. 191–275. [Batishchev G.S. (2015). Active essence of human as philosophical principle. Batishchev G.S. *Selected works*. Under the general editorship of Z.K. Shaukenova. Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of SC MES RK, pp. 191–275 (in Russian).]
- Бодрунов С.Д. (2016). Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // *Экономическое возрождение России*. № 2. С. 5–14. [Bodrunov S.D. (2016). New industrial society. Production. Economy. Institutions. *Economic Revival of Russia*, no. 2, pp. 5–14 (in Russian).]
- Бодрунов С.Д. (2022). От экономических интересов – к нооценностям // *Вопросы философии*. № 7. С. 15–26. [Bodrunov S.D. (2022). From economic interests – to noo values. *Voprosy Filosofii*, no. 7, pp. 15–26 (in Russian).]
- Бузгалин А.В. (2018а). Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // *Вопросы экономики*. № 2. С. 122–141. [Buzgalin A.V. (2018a). The decline of neo-liberalism (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 122–141 (in Russian).]
- Бузгалин А.В. (2018б). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // *Вопросы политической экономии*. № 2. С. 10–38. [Buzgalin A.V. (2018b). Late capitalism and

- its limits: Dialectics of productive forces and production relations (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Questions of Political Economy*, no. 2, pp. 10–38 (in Russian).]
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2012). «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. № 11. С. 31–42. [Buzgalin, A.V., Kolganov A.I. (2012). “Capital” of the twenty-first century: the simulacrum as an object of analysis for critical Marxism. *Voprosy Filosofii*, no. 11, pp. 31–42 (in Russian).]
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2018). Глобальный капитал: в 2 т. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД. 912 с. [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2018). *Global Capital*: in 2 volumes. Vol. 2: Theory: Global Hegemony of Capital and Its Limits. 4th ed. Moscow: LENAND. 912 p. (in Russian).]
- Кирута А.Я. (2011). Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России // Вестник Института социологии. Т. 2. № 2. С. 67–87. [Kiruta A.Ya. (2011). The impact of inequality on the quality of human potential in Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 2 (2), pp. 67–87 (in Russian).]
- Маркс К. (1961). Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.: в 50 т. Т. 25. Ч. I. М.: Госполитиздат. [Marx K. (1961). Capital. Vol. III. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. In 50 vols. Vol. 25. Part I. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).]
- Маркс К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. В 50 т. Т. 46. Ч. II. М.: ИПЛ. [Marx K. (1969). Economic manuscripts of 1857–1859. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. In 50 vols. Vol. 46. Part II. Moscow: Izdat. Politicheskoy Literatury (in Russian).]
- Маршалл А. (1983). Принципы политической экономии. Т. 1. М.: Прогресс. [Marshall A. (1983). *Principles of political economy*. Vol. 1. Moscow: Progress (in Russian).]
- Маслов Г.А. (2023). Развитие творческого труда как основа обеспечения технологической независимости: теоретический опыт отечественных и западных школ // Российский экономический журнал. № 5. С. 4–18. [Maslov G.A. (2023). Creative labour development as a basis for ensuring technological sovereignty: Theoretical experience of national and western schools. *Russian Economic Journal*, no. 5, pp. 4–18 (in Russian).]
- Флорида Р. (2005). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI. [Florida R. (2005). *The creative class: people who are changing the future*. Moscow: Classic XXI (in Russian).]
- Фриман А. (2016). Сумерки машинокрайического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 37–60. [Freeman A. (2016). Twilight of the machinocracy: Indispensable labor and the future of production. *Questions of Political Economy*, no. 4, pp. 37–60 (in Russian).]
- Хабибуллина З.Р. (2021). От креативного работника – к человеку ноономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 97–106. [Khabibullina Z.R. (2021). From the creative worker – to the homo noonomics. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 97–106 (in Russian).]
- Яковец Ю.В. (2003). Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизированном измерении. М.: Академкнига. [Yakovets Yu.V. (2003). *Rent, anti-rent, and quasi-rent in global civilization dimension*. Moscow: Akademkniga (in Russian).]
- Яковлева Н.Г. (2021). Противоречия трансформации и генезис социально-ориентированной модели образования (политико-экономический подход) // Вопросы политической экономии. № 3. С. 183–197. [Yakovleva N.G. (2021). Contradictions of transformation and genesis of a socially-oriented model of education (political economy approach). *Questions of Political Economy*, no. 3, pp. 183–197 (in Russian).]
- Яковлева Н.Г. (2023). Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. Т. 19. № 1. С. 36–46. [Yakovleva N.G. (2023). Russian education: Global and national challenges to the formation of human potential. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 19, no. 1, pp. 36–46 (in Russian).]

- Baker G., Gibbs M., Holmstrom B. (1993). Hierarchies and compensation: A case study. *European Economic Review*, vol. 37, iss. 2–3, pp. 366–378.
- Becker G.S. (1964). Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. New York: National Bureau of Economic Research. Pp. xvi, 187.
- Becker G.S. (1976). The economic approach to human behaviour. Chicago: University of Chicago Press.
- Becker G.S., Hubbard W.H., Murphy K.M. (2010). Explaining the Worldwide Boom in Higher Education of Women. *Journal of Human Capital*, no. 4 (3), pp. 203–241.
- Bowles S., Gintis H. (1975). The Problem with Human Capital Theory – A Marxian Critique. *American Economic Review*, vol. 65, no. 2, pp. 74–82.
- Castelló-Climent A. (2013). Education and Economic Growth. Background paper prepared for the Education for All global monitoring report 2013/4, Teaching and learning: Achieving quality for all. March. 27 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000225948>
- Cohen A.J., Harcourt G.C. (2003). Whatever Happened to the Cambridge Capital Theory Controversies? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 17, no. 1, pp. 199–214.
- Dezfouli A., Nock R., Dayan P. (2020). Adversarial vulnerabilities of human decision-making. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, no. 46, pp. 29221–29228.
- Dickens W.T., Kevin L. (1988). The Reemergence of Segmented Labor Market Theory. *American Economic Review*, vol. 78, no. 2, pp. 129–34.
- Doeringer P.B., Piore M.J. (1971). Internal Labor Markets and Manpower Analysis. Lexington: Lexington Books.
- Fix B. (2018). The trouble with human capital theory. *Real-World Economics Review*, no. 86, pp. 15–32. URL: <http://www.paecon.net/PAEReview/issue86/Fix86.pdf>
- Fix B. (2019). Personal Income and Hierarchical Power. *Journal of Economic Issues*, vol. 53, no. 4, pp. 928–945.
- Freeman A. (2015). Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*. Cheltenham (UK); Northampton (MA): Edward Elgar, pp. 352–375.
- Hodgson G.M. (2005). The fate of the Cambridge capital controversy. In: *Capital controversy, post Keynesian economics and the history of economic thought*. Abington: Routledge. Pp. 112–125.
- Howkins J. (2001). *The creative economy. How people make money from ideas*. London and New York: Penguin Press.
- IMF. (2007). *World Economic Outlook: Spillovers and Cycles in the Global Economy*. Washington, D.C.: International Monetary Fund.
- Klees S.J. (2016). Human capital and rates of return: Brilliant ideas or ideological dead ends? *Comparative Education Review*, vol. 60, no. 4, pp. 644–672.
- Lucas R.E. (1988). On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, vol. 22, pp. 3–42.
- Marginson S. (2019). Limitations of human capital theory. *Studies in Higher Education*, vol. 44, no. 2, pp. 287–301. DOI: 10.1080/03075079.2017.1359823
- Mincer J. (1958). Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*, vol. 66, no. 4, pp. 281–302.
- Piore M.J. (1983). Labor Market Segmentation: To What Paradigm Does It Belong? *American Economic Review*, vol. 73, iss. 2, pp. 249–253.
- Robinson J. (1953). The production function and the theory of capital. *Review of Economic Studies*, vol. 21, iss. 2, pp. 81–106.
- Romer P.M. (1990). Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, pp. S71–S102.
- Schultz T.W. (1961). Investment in human capital. *The American Economic Review*, vol. 51, no. 1, pp. 1–17.
- Schultz T.W. (1982). *Investing in people: The economics of population quality*. Berkeley and Los Angeles, CA: London (UK): The University of California Press.
- Tan E. (2014). Human Capital Theory: A Holistic Criticism. *Review of Educational Research*, vol. 84, no. 3, pp. 411–445.
- Wright E.O. (1979). *Class structure and income determination*. Vol. 2. New York: Academic Press.
- Wyatt I.D., Hecker D.E. (2006). Occupational Changes During the 20th Century. *Monthly Labor Review*, no. 129, pp. 35–57.

Рукопись поступила в редакцию 11.07.2024

THE IMPORTANCE OF HUMAN POTENTIAL AS A FACTOR AND CRITERION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

A.I. Kolganov

DOI: 10.33293/1609-1442-2024-3(106)-7-23

EDN: AICRBI

Andrey I. Kolganov, Doct. Sc. (Economics), Professor, Chief of the Laboratory of Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; onaglo@mail.ru; eLibrary SPIN: 7231-9030; ORCID 0000-0003-2223-7538.

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00508 (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00508/>).

Abstract. The importance of human potential as a factor of economic development was long recognized in economics. It proposed an interpretation of the economic realization of this role in the form of “human capital”. However, there are significant doubts about both the theoretical correctness of such an interpretation and its empirical validity. In addition, the concept of “human capital” significantly diminishes the role of human potential in production. To better assess this role, it is necessary to turn to the study of how human potential realizes itself in creative activity. The economic appropriation of the results of this creative activity brings additional income, which takes the form of intellectual rent. However, the capitalist form of appropriation of the results of the use of human creative potential limits the possibilities of its complete deployment and application. Moreover, the results of creative activity often take the form of false, illusory benefits, and even turn against human development. In order to ensure a better social effect of the use of human potential, it is necessary to find forms of support its development that will better correspond to its internal content. The peculiarity of creative activity, which consists in the fact that it acts not only as a means of achieving any goals, but also as an end in itself, allows the widest opportunities for the use of human potential if you provide each person with conditions for the complete development and application of his abilities. To achieve this, it is necessary to ensure priority

development of the areas of formation and development of human potential (education, health care, science and culture) and true equality of the opportunities for the development of the abilities in each person, which will create the best possible base for the use of national human potential. Possible ways to solve these problems may be: 1) the implementation a policy of state paternalism and expand the production of so-called patronized goods, and 2) the gradual mitigation of the alienation of man from ownership and management in the economy, which requires the search for a partial compromise between the interests of employers and employees. *Keywords:* human potential, human capital, creative activity, creative class, intellectual rent, socio-economic development.

Classification JEL: E24, H41, O15, O33, P16.

For reference: Kolganov A.I. (2024). The importance of human potential as a factor and criterion of socio-economic development. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (106), pp. 7–23 (in Russian). DOI: 10.33293/1609-1442-2024-3(106)-7-23; EDN: AICRBI

Manuscript received 11.07.2024